

НАЦИОНАЛЬНЫЙ BESTSELLER
Швеция

КАРА-ЙОГАНН
ВАЛЬГРЕН

*Небывалая история о усатой жестокости
и перуанской жертвенной любви*

РИПОЛ КЛАССИК

Карл-Йоганн Вальгрен
Водяной
Серия «Национальный Bestseller»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10362447
Водяной: РИПОЛ классик; М.; 2015
ISBN 978-5-386-06687-1

Аннотация

Удивительно динамичная, грустная, жестокая, увлекательная и трогательная история. Этот роман не оставит читателя равнодушным.

В провинциальном городке живет неблагополучная семья. Отец постоянно сидит в тюрьме, мать давно ничем не интересуется, кроме выпивки. А их двое детей, девочка и мальчик, каждый день вынуждены бороться за свою жизнь и достоинство. Что же произойдет, если в их беспросветной жизни вдруг появится... ВОДЯНОЙ?.. Все чудесным образом изменится. Пространство приобретет четвертое измерение – мифическое, сказочное, почти притчевое. И поможет автору сообщить нам вечную и глубокую, как Северное море, истину: Высшая Справедливость все-таки существует. И последнее слово всегда останется за ней.

Содержание

Фалькенберг, октябрь 1983-го	7
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Карл-Йоганн Вальгрэн

Водяной

© Carl-Johan Vallgren, 2012

By agreement with Hedlund Literary Agency and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Перевод. Штерн С. В., 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

* * *

У любой истории есть начало и конец. Только не у моей. Теперь я знаю. У других – да, история с чего-то начинается и чем-то заканчивается. В этом и смысл истории. А моя идет по кругу. Мало того, иногда даже по кругу не идет. Стоит на месте.

Но брату я так не говорю. Ему я говорю вот что: у любой истории есть начало и конец. И самое главное – конец. Начало не всегда хорошее, говорю я ему, начало чаще плохое, но это неважно. Важно, что в конце все становится лучше.

...Был мальчик, и звали его Роберт. Он жил в Скугсторпе, пригороде Фалькенберга, на улице с цветочным именем. У всех улиц в Скугсторпе цветочные имена – Розовая, Тюльпанная... Жил он с мамой, папой и старшей сестрой Неллой. У них был маленький дом в ряду таких же маленьких домов. Очень маленький, даже не дом, а квартира с палисадником и гаражом. Никто никогда и не думал что-то сажать в этом палисаднике, даже газона не было. Маму такие дела не интересовали, а папу – тем более. Родители Роберта и Неллы отличались от других родителей. Они не работали, у них не было машины, они не ездили с детьми в отпуск летом... они жили не так, как другие, и думали не так, как другие... ну, когда-то, может, и жили, и думали, только давно это было, никто и не помнил. Что ж, ничего тут не изменишь. Самое главное – все это только начало, а в конце будет по-другому...

Я рассказываю, а он слушает, почесывает струпья между пальцами и ждет, ждет, ждет – когда же все будет лучше, чем в начале? Это нелегко, говорю я ему. Дорога из тьмы к свету никогда не бывает легкой. Сначала надо преодолеть множество препятствий, иначе что это за история.

Роберт был не похож на других детей в их квартале. Стеснительный, неуклюжий, и в школе учился так себе. И плохо видел. Наверное, с самого рождения – то на стену налетит, то на бордюр, то на мостки на берегу. Но поскольку мама и папа у него были такими, какими они были, к главному доктору его не повели. Только во втором классе школьная медсестра заподозрила неладное и заказала время у глазника. И ему стали выписывать очки, с каждым годом все сильнее и сильнее. С очками тоже целая история. Они постоянно были заклеены, потому что одноклассники все время отнимали их и ломали или он сам на что-нибудь налетал, он ведь оставался таким же неуклюжим, как и был. А еще потому, что родителям было не до детей. Им было все равно, как у них дела в школе, когда они возвращаются домой, поели или голодные... как они выглядят – может быть, одежда запачкалась или порвалась, – веселы или грустны, не болеют ли... На все это им было наплевать. Всем занималась Нелла. Она и убиралась в доме, и покупала продукты, если были деньги, и помо-

гала брату с домашними заданиями. Это было нетрудно, ведь Роберт ходил в спецкласс для отстающих, или вспомогательный, как его еще называли. Там преподавали только самую простую математику и самый простой английский. Все, все делала Нелла – кому-то надо было этим заниматься, – а сам Роберт относился к себе со странным равнодушием, словно бы кто-то походя сунул ему его жизнь с инструкциями на непонятном языке и он не знал, что с ней, с этой жизнью, делать. Она же, Нелла, и кормила его завтраком, и провожала в школу, и стирала одежду. Готовила, хотя не так уж умела, но Роберт никогда не жаловался, наоборот – лучше, чем она, никто не готовит, говорил он. И фалунскую колбасу с макаронами, и кровяной пудинг, и рыбные палочки – нигде ничего вкуснее он не ел, хотя ему и сравнивать было особенно не с чем, разве что со школьной столовой.

И это Нелла писала ему справки о болезни, когда он не мог заставить себя идти в школу, это она, Нелла, заботилась обо всех мелочах, которые помогают хотя бы ненадолго примириться с жизнью. Это она, Нелла, чинила его очки, а на одно из стекол прилепила к внешней стороне маленький кусочек пластыря – ее друг, профессор, сказал, что так можно вылечить косоглазие. Когда глаз косит, он упирается в пластырь и невольно возвращается в правильное положение. Нелла могла бы и больше для него сделать, но не хватало времени, не хватало сил, не хватало внимания. Как ни старайся, всегда чего-то не хватает.

Вот так я ему и рассказывала. Историю эту он знал и без меня, и ничего хорошего в ней не было. И продолжала – тихо, тем же тоном... он даже не замечал перехода.

Нелла – сокращенное имя, полное – Петронелла. Но сама она называла себя Неллой, потому что ей казалось, что это имя ей подходит больше. Дети в Скугсторпе так называли крапиву – «нелла». Подходящее имя для такой, как она. Когда она была маленькой, думала, что люди избегают ее не потому, что у нее такие родители, а потому, что ее кожа жжется, как крапива или как медузы в море. Она была на два года старше, чем Роберт, и училась в девятом классе. И никого у нее не было, кроме одноклассника Томми и еще одного взрослого парня, которого она называла «профессор». И конечно, у нее был младший брат. Если бы ее заставили выбирать, она выбрала бы брата. Она иногда думала, что появилась на свет именно с этой целью – защищать брата. Защищать от тех, кто называл его недоумком или идиотом. От тех, кто считал его отвратительным, кто мучил его с каждым годом все больше и больше. Из-за его очков, из-за его косоглазия, из-за того, что он плохо читал и писал, но при этом был ничуть не глупее их... из-за экземы на руках, из-за того, что писался от страха, когда они над ним издевались. И становилось все хуже и хуже, мучителей все больше и больше, и Нелла не всегда успевала прийти на помощь. В любой школе есть местечки, куда учителя не заглядывают. И что она могла сделать, сидя за партой в своем классе, когда они тащили его в лесок за спортивным зилом...

Есть начало и есть конец. И всегда, прежде чем все станет хорошо, должно быть еще хуже. Так бывает в любой истории. Это как бы в них заложено, в этих историях: страдания, прежде чем прекратиться навсегда, становятся невыносимыми. Но жизнь надо перетерпеть, и когда-нибудь они исчезнут, эти страдания. Жизнь надо перетерпеть. В один прекрасный день все повернется другой стороной, и она, наша жизнь, станет добрее и лучше. Кто-то появится и унесет их отсюда, из Скугсторпа, пригорода Фалькенберга, из проклятой осени 1983 года. И на этом история кончится, и начнется новая, настоящая жизнь.

– Кто? – спрашивает братик. – Кто нас отсюда унесет?

И я не знаю, что ответить. Кто-то.

– И ты вправду думаешь, что я не глупее их?

– Конечно! Если бы они только вовремя обнаружили, что ты плохо видишь, ты ни за что не попал бы в отстающие.

– Когда я был маленький, я ничего не понимал, что нам объясняла учительница. Думал, совсем дурачок. А я просто букв не видел... И кто же нас спасет?

– Пока не знаю.

– Может быть, полицейский? Какую силу надо иметь... Или зверь какой-нибудь, очень большой. Ты только подумай, Нелла, если бы у нас был ручной лев! Никто бы и не решился к нам близко подойти, а? Или какой-нибудь монстр! Если бы у нас был лев, или монстр, или даже волк, ну ты знаешь, как Дьявол у Фантома...¹ Сидел бы он на поводке на велосипедной стоянке, и никто бы нам ничего не сделал.

И мне бывало так стыдно, что я не могла поднять на него глаза.

– Братишка, обещаю: придет день, это кончится. Все будет хорошо. Всегда есть начало, но это не главное. Главное – всегда есть конец.

– А может быть, папа нам поможет? Когда вернется... Может, он передумает? Он же сказал – все надо менять...

И тут я покачала головой. Что за детский сад – надеяться на папу.

– Нет, на папу не рассчитывай. Он никогда не передумает. Случится что-то другое, и все переменится. Я это ясно чувствую.

Вот так я ему и говорила. И он верил мне, потому что во всем мире ему некому больше верить, потому что я его сестра, потому что я старше на два года и во всем мире никто, кроме меня, не хотел и не хочет ему помочь.

¹ Дьявол – ручной волк у Фантома, героя популярных комиксов. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Фалькенберг, октябрь 1983-го

Я давно заметила – когда бежишь со всех ног, в глаза бросаются странные вещи. Бурые полусгнившие ягоды на кусте за школьным скалодромом, тень... твоя собственная тень, бегущая перед тобой, как большая рыба на мелководье. Лужа в яме для прыжков, а в ней плавают желтые листья. Забытая красная шапочка на беговой дорожке. Почти такого же цвета, как и дорожка, чуть потемнее, совсем как кровь. Герард прикуривает сигарету на площадке для курения. До него метров пятьдесят, но это он. Видно, как он заботливо складывает руки в горсть вокруг зажигалки. На нем перчатки, кожаные. И то хорошо – он здесь, а не с остальными, там, в лесу. По крайней мере, я его вижу.

И даже эта мысль мелькнула на бегу: *хорошо, что Герард не с остальными, там, в лесу.* У него с головой не все в порядке. Что-то там у него в мозгах неправильно соединено. Все из-за Герарда, все из-за него – и то, что я бегу как сумасшедшая, и то, что случилось восемь месяцами раньше.

Это было еще в феврале, в киоске у трассы Е-6, часов в восемь вечера. Я побежала купить мамаше сигарет. Герард со своей бандой отирились поодаль, у заколоченной площадки для мини-гольфа.

– Пальцы замерзли, – сказал он задумчиво, – не согреться ли нам на кошачьей сволочи?

И засмеялся своим герардовским смехом, застенчивым таким, можно подумать, он полон любви и сострадания.

Я ничего и не поняла поначалу – как это: согреться на кошачьей сволочи? А остальные тоже смеялись – и Педер, и Ула, и еще какие-то – поменьше – подлипали... так их и называли, подлипали. Они таскались за Герардом, куда бы он ни пошел, убирали за ним тарелки в столовой, таскали его сумку, бегали по поручениям, воровали сигареты и леденцы, добывали где-то бензин для скутера – все что ни пожелает их кумир.

Оказалось, у него котенок в пластиковом пакете на руле. Я стояла в очереди в киоск и смотрела, как он достает котенка из пакета, чешет ему за ухом, прижимает к щеке, как живую мягкую игрушку, и многозначительно подмигивает своей свите. Черненький, маленький, как крольчонок, с белым пятнышком на грудке. Мне отсюда было слышно, как он мурлычет. Как мотор, сказал Герард и взял котенка за шкурку. Тот не протестовал. Чей котенок? Не знаю... может, кого-то из герардовских подлипал, ему ничего не стоило уговорить их принести из дома котенка, а может, просто не повезло – попался им на глаза.

– Что-то я мерзну, – сказал Герард, – у кого-нибудь есть горючка?

Педер, правая рука Герарда, услужливо достал пластиковый шланг, сунул один конец в бензобак своей «дакоты», засосал и начал сливать бензин в пластиковую бутылку из-под лимонада.

– Подержи-ка пакет, – скомандовал Герард и протянул пакет с котенком. – А теперь бензин.

Он взял у Педера бутылку, понюхал, сморщился и вылил в пакет. Котенок еле слышно пискнул.

– Потряси-ка хорошенько, надо его замариновать в бензине. А то погаснет через пять секунд.

Педер неуверенно усмехнулся:

– Ты что надумал? Герард, какого хрена, ты собрался спалить котенка в пакете? Он же взорвется.

– Я же сказал – замерз.

– Отойдем-ка! – Ула поглядел на остальных. – И вправду может взорваться.

И никого вокруг. Продавщица видеть их не могла – киоск стоял к ним задом. Был вечер пятницы, днем выпал снег, но тут же потеплело, и от белого пушистого снега осталась одна слякоть. Люди предпочитали сидеть дома у телевизора, смотреть «Машину удовольствий»² или какой-нибудь вестерн. Роберт с мамой, а отец опять угодил в тюрьму – как потом оказалось, почти на целый год.

Я пошла к велосипедной стоянке. Мне не хотелось смотреть на то, о чем я буду потом жалеть, что видела. Краем глаза я заметила, как Герард завязывает пакет. Помню, я тогда подумала – нет, он это не сделает. Даже Герард на такое не способен. Не настолько уж он чокнутый.

Он положил пакет на асфальт и вылил оставшийся бензин на землю тонкой струйкой. Получилось что-то вроде запального шнура. Его свита заволновалась, задержались, как в припадке чесотки.

– Ты и впрямь собрался его спалить? – спросил Педер. Он задрал верхнюю губу, и получилась прямо волчья усмешка. Видно было, что затея ему по душе, но сам бы он ни за что на такое не решился.

– Сколько раз повторять? Я замерз...

Котенок завозился в пакете – может быть, там уже нечем было дышать, а может, перепугался. Наружу высунулась тонкая лапка с растопыренными когтями и тут же исчезла.

– А тебе-то что здесь надо, сучка?

Я даже не сразу поняла, что он это ко мне – не могла оторвать глаз от пакета на асфальте. Пакет дергался, выпячивался и опадал, словно мягкое яйцо, из которого вот-вот вылупится птенец.

– Ничего мне не надо. – Я сунула ключ в замок и отцепила велосипед.

– Эта вонючка, – услышала я голос Педера, – носится со своим недоразвитым... а сама-то! Не поймешь, девчонка или пацан. Буферов нет, волос на манде нет... а воняет – жуть! У них дома даже стиральной машины нет. Может, и душа нет.

– Заткнись, – оборвал его Герард. – Дай мне зажигалку.

Ему вообще до меня дела не было. Пустое место. Колебание воздуха. Он меня словно бы и не видел, хотя учились мы в одном классе.

Я пошла к переходу. От бензиновой вони першило в горле. Они его убьют, и я ничего не могу сделать.

Они убьют его, и я ничего не могу сделать. Они убьют его, и я ничего не могу сделать. Эти слова застряли, как считалка, будто в голове работало радио. Сердце колотится прямо в горле, легкие вот-вот взорвутся. Крики из леса то слабее, то сильнее. И, как назло, ни одного учителя. Даже завхоз куда-то запропастился. Вечно торчит здесь то с тачкой, то с граблями, здоровенный, как ротвейлер, а сейчас пропал. Ни Л-Г, ни завхоза – куда подевались взрослые? И тут же вспомнила – у кого-то из учителей день рождения, и все собрались в учительской.

Наверняка все удивлялись – куда это я мчусь как сумасшедшая? Будто за мной гонится убийца или какой-нибудь сбежавший из цирка свирепый хищник... Семиклассники, восьмиклассники в своих куртках и жилетах-пуховиках... они же оттуда, из леса, может быть, даже и видели Роберта, но сбежали, сволочи, не хотят стать свидетелями...

Во рту противный привкус крови. Кто-то засмеялся... кто, кто – эта девчонка из Морупа, я ее прекрасно знаю, ее тоже дразнят Доской, как и меня... И листья на асфальте, листья, желтые и красные, яркие, будто нарисованные, – неделю назад был шторм, до этого они еще как-то держались на деревьях, а теперь попадали все до одного. Желтые, красные,

² «Машина удовольствий» – популярная развлекательная программа в 1982–1984 гг.

как кровь, как вывороченные внутренности... лица мелькают, вот идет кто-то из братниного класса – там Роберта тоже травят, называют идиотом или засыхой, потому что он иногда не может удержаться... от страха, только от страха. Но сейчас у них что-то другое на уме, наверное, идут переодеться после прогулки, скоро начнется следующий урок.

Подальше, у парковки, учительница разговаривает с кем-то из родителей. Мне некогда ее звать, да она и не услышит – далеко.

Мимо спортзала, мимо посадок. Два девятиклассника с леденцами на палочках почему-то отводят глаза. Почему? Я слышу голос брата очень отчетливо, он кричит, как поросенок на бойне. Никогда не слышала, чтобы он так кричал. А где Томми? Почему он не со мной? Его не было в школе со среды. Болен или брату помогает на баркасе? Каждый день звоню, но никто не берет трубку.

Они убьют его, и я ничего не могу сделать. Почему мне пришел в голову этот котенок, сама не знаю... это же еще зимой было, когда отец опять сел...

Да знаю я, знаю, нечего врать самой себе. Зачем прятать голову в песок, как мама? Все я знаю. Знаю, почему они к нему привязались. Герард решил, что я на него настучала. Утром нашла в своем шкафчике записку. Там было написано, что Л-Г узнал про котенка, Герарда вызывают к ректору. Кроме меня, настучать было некому, и они отыграются на Роберте.

Я помню, как тогда, зимой, шла с велосипедом. Медленно, чтобы не дразнить Педера и Герарда. Они как хищники, подумала я тогда, побежишь – в них сразу проснется охотничий инстинкт.

– Слышь, Доска, подойди-ка сюда. – Это ко мне. Почему-то ему захотелось, чтобы я присутствовала. – Или как там тебя зовут... Стой, я сказал.

Я остановилась. Может, он и правда не знает, как меня зовут. Девять лет в одном классе, тысячи часов на уроках, вместе позировали на классных фото... вполне может быть – он так и не знает моего имени. Это многое объясняет.

– Иди-ка сюда, я хочу, чтобы ты посмотрела, – сказал он. – Мне надо, чтобы кто-то мог подтвердить. Ну, то есть, если кто-то начнет утверждать, что нет, мол, не может быть, Герард на это не способен, скажу, чтобы спросили тебя. Дошло? Спросите у Доски, скажу я им. Она тоже там была. Свидетельница, поняла?

Он улыбнулся, дружелюбно так, словно доверял мне сердечную тайну.

– Педеру и Уле никто не поверит. Они говорят только то, что я им велю. Это все знают. Так что смотри и запоминай. Встань-ка вот тут.

Я откинула подножку, поставила велосипед и покорно пошла к нему.

– Довольно, – весело сказал Герард, – ближе не подходи. Не зря все говорят, что от тебя воняет.

Между нами было метров пять, не меньше. Из мешка опять высунулась напряженная лапка с растопыренными коготками. Котенок по-прежнему мяукал, но совсем тихо.

– Ты и вправду... – повторил Педер. – Спятил, что ли?..

– А ты как думаешь, педрила? Я, по-твоему, значит, псих, зверей мучаю? Забудь...

Мне показалось, что он потерял к котенку всякий интерес. Отошел в сторону, взгляделся в сумерки, вытряхнул сигарету из маленькой пачки «Принс» и начал чиркать зажигалкой, но ничего, кроме бессильных искр, как из мокрого бенгальского огня, высечь ему не удалось.

– А ты, значит, поверил?

Педер засмеялся:

– А то... ты ж его бензином облил.

– Ладно, если честно... похож я на типа, который мучает беззащитных зверей? Похож? Ула, как ты думаешь?

Он выглядел по-настоящему опечаленным. Свита, похоже, не знала, что и думать.

- Не знаю... – неуверенно промямлил Ула.
- Не знаешь? У тебя что, своего мнения нет?
- Есть у меня мнение... а ты как считаешь?
- А как я считаю?
- Сказано же: не знаю...

Герард разочарованно покачал головой.

– О, дьявол, как холодно... – тихо, почти неслышно произнес он и повернулся ко мне как раз в тот момент, когда ему удалось наконец высечь пламя из зажигалки. – А ты что глазеешь, сучка? Я тебе что, велел на меня глазеть? Кто тебе разрешил?

Я добежала до роши. Я уже не думала о котенке, мчалась что есть сил по тропинке между березами, то и дело спотыкалась о корни и упавшие сучья. Каменная осыпь, где Роберт играл сам с собой, когда я перешла в среднюю стадию, – седьмой класс помещался в другом конце школы, и я не могла его защитить. Помню, как искала его по вечерам. Ему было только десять, и он всегда был один. Все его одноклассники расходились по домам или играли в школьном дворе, а он сидел на камне в своих старых джинсиках из «Гекоса»³ и смотрел на меня, будто я посланник с другой планеты. Редкие волосы, экзема на руках становилась все хуже и хуже, хоть я и помогала ему смазывать их прописанной мазью каждый вечер. Очки – сломанные, заклеенные скотчем. Мне приходилось долго уговаривать его идти домой. Дома тогда было хоть святых выноси, и, если бы братик мог решать сам, он оставался бы ночевать в лесу или вообще переселился бы туда на всю оставшуюся жизнь.

Я взбежала на холм и остановилась. Здесь совсем тихо, крики не слышны. Виден пустой школьный двор, в классных комнатах уже зажгли верхний свет, там кто-то ходит... *Всегда есть начало и есть конец. Они его убили. Может, они этого и не хотели, но так уж вышло. И я не могла его защитить. Я была ему нужна, а меня там не было.* Сердце билось так, точно хотело выскочить из груди, как тот котенок силился выскочить из пластикового пакета.

Герард с грустной физиономией присел на корточки и поднес зажигалку к невидимому бикфордову шнуру. Должно быть, все произошло очень быстро. Огненная бензиновая змейка бежала к дергающемуся, мяукающему пакету, наверное, не больше двух секунд, но мне эти секунды показались вечностью. Взрыв был совсем не сильным, похоже на дешевую рождественскую хлопушку.

- Ну, ты даешь, – промямлил Педер. – Я так и не верил...
- Сказано – замерз. Проверь, что там...

Педер, отдергивая руки, вытряхнул пакет.

И только тогда я поняла, что котенок связан – обе пары лапок стянуты стальной проволокой. И все равно он пытался убежать, ковылял по кругу, будто гонялся за хвостом. Было похоже на маленькую огненную карусель. Он тихо вскрикивал, как новорожденный ребенок. Искры летели во все стороны, а ушки были похожи на язычки пламени на свечах... он открыл ротик, словно хотел сказать что-то своим палачам... **ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ?!** На какую-то секунду мне так и показалось – сейчас он скажет что-то... но пламя охватило и мордочку, и котенок замолчал. Круги становились все меньше и меньше, и вдруг запахло летом, садом, грилем... запах, который стоит в Фалькенберге до конца августа, пока последние отдыхающие не разъедутся. Наконец он так и упал, с открытой крошечной пастью, и смотрел прямо на меня не мигая, мигать ему было нечем – веки его сгорели. Я только слышала тихий равномерный свист... оказывается, я тоже так могу. Стою на вершине холма, пытаюсь удержать

³ «Гекос» – дешевый супермаркет в Уллареде.

слезы и этот проклятый невольный свист в бронхах. Вглядываюсь в лес, стараюсь уловить малейшее движение деревьев.

Спустилась по склону. Все тихо. Может, они его отпустили? Может, он уже в классе и читает учебник по математике для отстающих, где все так примитивно и именно поэтому так трудно для него. Прозвенел звонок – и они его отпустили, так просто – иди, гуляй... Я знала, что это не так, но все равно надеялась и желала... а что я еще делала всю свою жизнь? Надеялась и желала. Желала и надеялась... на что? Знаю на что: а вдруг и впрямь возможно усилием воли повернуть события, постараться, и все пойдет не так мерзко, как в жизни, а лучше... или хотя бы по-другому.

Налево, на суку, висит его шапочка.

– Роберт?

Нет ответа. Внезапно поднявшийся ветер донес запах моря.

Я начала продираться через густые кусты можжевельника. Только сейчас заметила, как холодно – забыла взять куртку в раздевалке. Увидела в окно, как они его волокут куда-то – Педер, Ула и прочие, как он, насмерть перепуганный, пытается сопротивляться... побросала книги на пол и помчалась к дверям. Кто-то, не помню кто, схватил меня, хотел помешать, но я вырвалась, промчалась по коридору и выбежала во двор. Но Роберта уже не было видно.

– Братишка? Где ты?

Мне послышалось какое-то движение за спиной. Я резко обернулась – никого. Ворона. Посмотрела на меня и улетела, виляя между стволов.

– Роберт! Ты меня слышишь?

В тридцати метрах – забор, граница школьной территории, а дальше – только луга и проселки к побережью. Я прислонилась к древесному стволу и вслушалась.

Ты подтвердишь, Доска. Если кто-то из моих корешей спросит, так и скажешь – да, так и было, Герард это сделал. Никто не верил, что он решится, а он сделал. Он сумасшедший, этот Герард.

Животик у котенка лопнул от жара, наружу вывалились внутренности... кишки, что ли... Педер отвернулся. Герард, этот псих, попытался прикурить от тлеющего трупики.

– Чувствуете? – спросил он, ухмыляясь. – Теплее стало... не так холодно. А то замерз – сил нет. Теперь получше...

Прошло восемь месяцев, и вдруг именно сегодня они ни с того ни с сего решили, что я на них донесла, и надумали отыгаться на брате. Я ничего не понимала. Кто-то, наверное, еще, кто-то еще, кроме меня, видел их в тот день. Больше объяснить нечем. Я никому ничего не говорила. Но почему все это выплыло только сейчас?

– Слышь, Доска, он здесь.

Откуда? С другой стороны, из-за можжевельника... Роберт сидит на корточках, опустил голову, из носа капает кровь. Глаза закрыты, спит он, что ли... спущенные мокрые брюки – описался от страха. Они что-то напихали ему в трусы – шишки, сучья, вырванные страницы из его учебника математики. Рот и ноздри забиты хвоей, из уха торчит окуроч. И стоят полукругом, а с другой стороны – Педер и Ула.

– Что вы делаете? – крикнула я, и сама почувствовала, как фальшиво это звучит, потому что на самом деле мне стало легче – я ожидала худшего. А почему? Не знаю... им же на него наплевать, это мне они хотят отомстить, вот и мучают его.

– Ну что, даун хренов, легче стало? – Один из прихлебателей пнул его носком кроссовки. – Вставай! Смотреть противно, обоссанный с ног до головы. Это из-за тебя, Доска. Нечего было стучать на Герарда. Дошло наконец? Это из-за тебя он обоссался.

Я знала его – Герард вечно тусовался со своей кодлой в зале для пинг-понга, там я и видела этого верзилу из седьмого. Роберт мне как-то сказал, что он ему проходу не дает. А разве этот тип тоже был, когда Герард заживо сжег котенка? Не помню...

Когда я перешла в восьмой, нам роздали брошюры – как поступать в таких случаях. *Сообщите куратору, учителям или ректору. Я только посмеялась. Будет в сто раз хуже. Если вы не решаетесь говорить с руководством школы, расскажите родителям.* Вот так. Где они живут, те, кто написал эту брошюру? На луне? А может, и нет – просто им и в голову не приходит, что есть и такие родители, как наши.

Я осторожно взяла Роберта за подбородок и подняла изрисованное тушью лицо. На одной щеке мужской член с яйцами, на другой – свастика, на лбу надпись: «Осторожно – идиот». Глаза он так и не открывал, и я его понимала – кому охота смотреть на этот поганый мир?

– Это я виновата, – шепнула я. – Прости меня. Роберт.

– Хорош, а? – Один из парней почесал Роберта за ухом, как собаку.

Странно, очки на месте, хотя левое стекло, то, что я заклеила пластырем, заляпано грязью. Заушиник погнут, но это легко починить... мне в голову лезли какие-то практические мысли – можно ли починить очки и что все-таки это лучше, чем если бы они раздавили стекла или вообще выбросили бы их в лесу. Пока школьная медсестра почешется, пока закажет новые, пройдет несколько недель, а без очков он почти ничего не видит.

Если есть начало, значит, есть и конец, прошептала я про себя, *и конец всегда лучше, чем начало.*

Села рядом с ним на корточки и обняла – я всегда так делала, пока он был маленький. Он дрожал как в ознобе, мелкой-мелкой дрожью, и сердце колотилось, как у испуганной птицы. *Есть начало, есть, но плевать на него, на это начало. Только конец и в счет, потому что тогда начнется новая, совсем другая история, куда лучше, чем эта.*

Не надо было мне шептать ему эти слова. У зверей ведь как – стоит жертве пискнуть, и охота начинается снова.

– Подвинься, Доска. Он еще не съел свой ланч.

Педер. Я даже не успела заметить... нет, не то чтобы не успела, заметила, наверное, но как бы вытеснила из головы, что и он, и Ула тоже здесь. Герарда не было, ему и не надо присутствовать – достаточно приказать своим прихлебателям: они ловят каждое его слово. А может, Педер и сам все это придумал – выслужиться захотел.

– Вот так и бывает со стукачками, Доска.

– Я ни на кого не стучала.

– Ясное дело. Не стучала. А кто там еще-то был? Мы с Герардом и тетка в киоске, а она ничего и не видела.

Повернулся к Роберту и начал – медовым, с подлянкой, голосом, Герарду подражал:

– Мы попросили твою сестрицу быть свидетелем, подумали – а вдруг нам не поверят? При этом, конечно, мы имели в виду не снютов⁴ и не учителей. А твоя идиотка-сестра все поняла неправильно.

Остальные, похоже, толком не знали, что делать – пар уже вышел, нужно было, чтобы кто-то их подзадорил. Ула сорвал большой пучок травы и начал заталкивать в рот Роберту. Тот беспомощно мотал головой. Я рванулась на помощь, но кто-то схватил меня за волосы и оттащил в сторону.

– Вы только поглядите на его руки – проказа у него, что ли... Жри сено, идиот несчастный, и скажи сеструхе, чтобы не стучала...

⁴ Снют – жаргонная кличка полицейского (ср. *коп, мент* и т. д.).

Они насильно открыли ему рот и затолкали туда траву. И в нос тоже. Он отплевывался, я слышала позывы на рвоту... Никогда, никогда больше я не оставлю его одного... Я закричала... или услышала свой собственный голос и впилась ногтями в руку, державшую меня за волосы, выворачивалась, оказалась почему-то на животе... еще чья-то рука схватила меня за волосы... помочь пришли, сволочи. Земля и сосновые иглы лезли в рот, я отбивалась изо всех сил, пока они не заломили мне руки за спину и связали.

– Замри, сикуха.

Чьи-то руки содрали с меня брюки и трусы, грубо, царапая ногтями, как сдирают кору с дерева, как будто боль не имеет никакого значения, словно я не живая, манекен в витрине, запихали мне что-то в задний проход, даже не раздвинули попу, сволочи, запихали что-то острое и шершавое... я надеялась только, что не порвут там ничего.

В глазах потемнело от боли. Когда зрение вернулось, я увидела брата. Он скорчился на тропинке, в пяти метрах от меня, изо рта, носа и ушей торчала трава. Похож на какое-то нелепое огородное пугало.

– А теперь накорми сестренку. Поделись с ней свежим сеном. Надо же ее как-то наградить за то, что она обещает больше не стучать. А потом пусть идет. Ты-то пока останешься с нами. С тобой мы еще не разобрались.

Предводитель явился. Герард. Откуда он взялся? Только что его не было, он словно материализовался. Стоит между деревьев, в расстегнутой кожаной куртке, шнурки у кроссовок болтаются, стоит и улыбается своей сволочной улыбкой. Брата подтащили ко мне. Я так и лежала на животе со связанными за спиной руками и с какой-то дрянью в заднице. Он зажмурился и опустил на колени.

– Все будет хорошо, – крикнула я Роберту. – Обещаю. Делай, что они говорят...

Я с трудом, выламывая шею, посмотрела на Герарда:

– Как-то ведь можно договориться?

– Что-то я плохо слышу... что ты там бормочешь?

– Говорю, можно же договориться... чтобы вы его отпустили.

– Все равно не слышу. Говори громче.

– Сколько ты хочешь? Я достану деньги.

Он прикурил сигарету и выпустил дым через нос, как два серых бивня.

– Это зависит... во сколько ты оцениваешь брата. Назови разумную цену. Полторы тысячи?

– Получишь сколько захочешь. Только оставь его в покое.

– Честно говоря, не думаю, чтобы он стоил полторы тысячи. Можешь поторговаться. Скажем так: девятьсот. Или тысячу. И свободен. До конца полугодия. Вопрос только – когда ты заплатишь?

Я уже не могла говорить, голос не слушался, смотрела в землю на опавшие листья и серо-сизый мох... совсем близко, прямо под носом.

– Я правильно слышал? Неделя? Вот и договорились. В следующую пятницу. А потом он мой. Не то чтобы... ну, вроде залога.

– Дожуй сено, – прошипел Педер, – и сеструху накорми, не видишь, она проголодалась. Давай, давай, недоносок!

По щекам брата текли слезы. Он неуверенно протянул мне руку с травой, не открывая глаз. Но я-то, я... я не сомневалась ни секунды. Мы можем откупиться, они оставят нас в покое... на какое-то время. И я прижала к себе его руку и покорно, как лошадь, начала жевать траву и сухую хвою из рук своего любимого брата.

Солнце уже опускалось, через пару часов стемнеет – и море сольется с небом. На траве сушатся сети. Тросы и якорные цепи свернулись, как скелеты огромных морских змей. Из

какой-то рыбарни⁵ доносится музыка. По Глюмстенвеген проехал грузовик. Погудел кому-то и исчез в облаке выхлопных газов. Пахнет тухлой рыбой, но главнее всех запахов моря. Ничто не может его заглушить. Он присутствует всегда, как несменяемый фон для всех остальных запахов.

Мы сидели на лавке и смотрели на воду. На пирсе рядами устроились чайки, повсюду лежали небольшие сугробы льда, выпавшего из ящиков с рыбой, когда утром разгружали баркасы. Чуть поодаль, у пандуса для подъема судов, в воду проскользнула дикая норка.

– Как ты? – спросила я.

– Так себе... а ты?

– Нормально.

Он покраснел, снял очки и снова надел. Я видела этот жест сто тысяч раз. Он всегда так делает, когда нервничает.

– Я видел, что они с тобой делали. Засунуть шишку... туда, сзади... больные они, что ли?

– Ерунда. Даже крови не было. Посмотри, норка...

Он посмотрел – как мне показалось, без особого интереса. Норка плыла вдоль причала, головка ее торчала из воды, как маленький перископ. Как у них все ловко получается в воде.

– Что мы им сделали? Герарду и остальным?

– Я случайно увидела, как они заживо сожгли котенка. Еще зимой. А теперь вообразили, что я на них наступала.

– А ты и в самом деле наступала?

– Не-а.

– А я при чем?

– Ни при чем. Но ты – мой брат.

Волны бились о волнолом на входе в лагуну, а на юге виднелся старый маяк. По ночам вспышки его ритмично, как световые плети, хлестали море. Музыка в рыбарне стихла. До странности безветренно.

– Ты тут ни при чем, сестричка. Не это, так другое – выдумали бы что-нибудь. Если они такие психи, что могли сжечь живого котенка, чего угодно можно ждать... Как ты думаешь, если бы папа был с нами...

Он по-прежнему надеется на отца... Может, потому, что не знает его так, как я. Мы уже год, как его не видели. Если тебе двенадцать, а в декабре стукнет тринадцать, года вполне достаточно, чтобы начать кое-что забывать, а то, что вспоминается, никак не соотносится с реальностью...

– Мне жаль тебя огорчать – нет. Ничем бы он не помог.

– Конечно помог бы. Он вернется, и я все ему расскажу, как их зовут и где они живут. Он с ними точно разберется. Он им задаст такую трепку, что они и чихать будут бояться.

Брат покивал в такт своим мыслям, будто видел эту картину на киноэкране у себя в голове, и я подумала, как жутко ему было, когда я лежала со связанными руками и спущенными штанами, с еловой шишкой в заднице, и, давась, ела траву из его рук...

– Это, скорее всего, не дикая норка, – решила я сменить тему. – Слишком уж мех красивый. Наверняка сбежала со зверофермы.

– Я и не знал, что они умеют плавать.

– Мне папа рассказывал. Помнишь, он работал на такой ферме, когда ты был маленький? Бывает, они удирают из своих клеток и сразу бегут к морю – рыбу ловить.

Я поискала глазами – норка исчезла. Наверное, заплывала за причал.

– Ты и в самом деле собираешься заплатить ему тысячу крон?

⁵ Рыбарня – прибрежная постройка, сарай, где хранится рыболовное снаряжение, инструмент и т. д.

- А у меня есть выбор?
- А где ты достанешь такую кучу денег?
- Придумаю что-нибудь...

Брат поднял камушек и кинул в воду. Экзема между пальцами стала хуже, мазь кончилась, а я не купила новую. Не забыть, когда буду в городе.

- Пойдем домой или посидим еще?
- Домой? И что там, дома?
- Да... ты прав, конечно.

Наверное, это было ошибкой – предлагать Герарду деньги, чтобы он оставил нас в покое. И где я возьму эту тысячу? За неделю! И с чего я вообразила, что он сдержит слово?

Я посмотрела на низкий штакетник за густым кустарником над гаванью. Отсюда видно крышу дома, где живет Томми. Надо будет с ним посоветоваться. Пойти, что ли, к нему домой? Он болеет, но можно ведь попросить разрешения поговорить. Или позвонить ему попозже вечером. Или разыскать профессора.

После случившегося никакого смысла возвращаться в школу не было. Герард со своей бандой исчезли, а я взяла брата за руку и повела на велосипедную стоянку. Учителя наверняка записали нам прогул. Поспрашивали у одноклассников, где мы, а те мотали головами и старались принять невинный вид... не все, конечно. Герард, Ула и Педер нагло ухмылялись – чего им бояться?! Потом будет доложено куратору, куратор напишет маме, а та, скорее всего, письмо даже и не распечатает. Меня вызовут к Л-Г, классному руководителю, и я, как всегда, буду врать: дескать, увела брата с уроков без всякой особой причины – нет-нет, ничего особенного, чувствовали себя неважно, пятница была, всего три урока оставалось.

– Пошли к морю, – сказала я брату, когда они ушли и оставили нас одних в лесу. – Только сначала умоемся и захватим другие штаны.

И мы сели на велосипеды и поехали в Гломмен⁶. Свой дамский, вполне приличный, я нашла в контейнере для мусора, а мини-велик Роберта выпросила у профессора – на чем-то же ему надо ездить.

Летом мы катались в Гломмен довольно часто. Повидаться с Томми, посмотреть на рыбаков, как они разгружают улов. Но сейчас, в октябре, во время уроков... не помню, чтобы мы когда-нибудь были здесь в это время года. Как-то здесь... одиноко. Ни одного туриста. Ни одного грузовика-рыбовоза, а летом они подъезжают один за другим. И тишина... Такая тишина, что я с удивлением смотрела на рыбарню, откуда только что слышалась музыка. За грязным окном два силуэта, что-то они там делают. Похоже, собрались поднять какую-то тяжесть, но не осилили и остановились перевести дух.

– А как ты думаешь, куда Ласло запропастился? – спросил брат. Он снял очки и недовольно вертел их в руках.

– Откуда мне знать? В городе... А может, не хочет никого видеть. Спрятался под кроватью в спальне. Он, знаешь, иногда...

По дороге в Гломмен мы проезжали дом профессора. Мне надо было кому-то рассказать, выговориться. Не то чтобы я на что-то надеялась, вряд ли он нам поможет. Но есть такие вещи, которые просто необходимо выплеснуть наружу, поделиться...

Заглянули в кухонное окно. Все как всегда. Множество книг и блокнотов, куда он записывал все, что казалось ему интересным. Баночки с лекарствами – и на полках, и на столе. Все его странные коллекции – чучела птиц, какие-то окаменелости, старые монеты и почтовые марки. Мы обошли дом, приоткрыли дверь в сарай. «Амазон»⁷ стоял на месте, значит,

⁶ Гломмен – рыбацкая деревня под Фалькенбергом, известная своими роковыми фестивалями.

⁷ «Амазон» – популярная модель «вольво» в 50–60-е годы.

профессор был где-то поблизости. Не хочет нас видеть. Тоже может быть. Покричали. Никто не ответил, и мы покатили в Гломмен.

Об этом я и думала, сидя на причале. Даже профессор не может нам помочь. И до понедельника всего два дня. Пролетят незаметно, и опять в школу. Слишком короткая передышка.

– Ненавижу эти очки, – тихо сказал брат. – Я в них как дурак. И впрямь недоносок. Поэтому меня все и ненавидят. Кому охота иметь дело с уродом?

Я взяла у него очки, выправила согнутую дужку и потерла стекла рукавом:

– Куплю новые. К лету найду работу и на первую же зарплату куплю тебе красивые очки.

– Правда?

– Даже не сомневайся. Если заплатить, можно отшлифовать стекла так, чтобы они не были такими толстыми.

Братишка улыбнулся, но сразу посерьезнел:

– А где ты найдешь работу?

– В Турсосе. Там всегда люди нужны. Цыпляют упаковывать. Двадцать пять спенн⁸ в час. А не там, так где-нибудь еще. Мне уже будет шестнадцать. Могу работать где хочу.

Он кинул в воду еще один камушек:

– Только не оставляй меня с мамой. Не уезжай.

– Кто тебе сказал, что я собираюсь уехать?

– Ты скоро станешь взрослой и можешь делать что хочешь...

Он отвернулся, хотел скрыть набежавшие слезы.

Мы сидели молча. Дверь в рыбарню открылась, оттуда появились двое и увидели нас. Они точно окаменели на секунду, переглянулись и опять скрылись в хижине. Даже дверь за собой захлопнули. Мне показалось, братья Томми, но кто знает. Они чалили свой баркас на южном причале... а вот названия баркаса я не помнила. У них у всех одна и та же комбинация букв, только номера разные. FG 31 – «Лингсчер», FG 40 – «Тунец», ну и так далее...

– Не переживай: надо будет уехать, поедешь со мной.

– А если мамаша станет возражать?

– Она и не заметит. А если и заметит, искать не станет.

Он сидел рядом со мной. Вырос на целых десять сантиметров за лето, но все равно маленький для своего возраста. Такой хрупкий, точно сделан из стекла или чего-то такого... и я вспомнила точно по минутам или по часам, как он рос. С момента, как я учила его ходить, хотя сама была еще от горшка два вершка, годы в городе, а потом в Скугсторпе, где я защищала его, утешала, помогала с уроками, ободряла. Одним словом, старалась сделать его жизнь более или менее сносной. Но всегда есть начало и есть конец... у каждой истории есть начало и есть конец.

– Как же мы так можем – просто взять и уехать? А на что мы будем жить?

– Найдем работу.

– Мне же еще и тринадцати нет. Мне запрещено работать.

– Скажем, что ты старше.

– Наклеим бороду и подделаем паспорт?

– Что-то в этом роде.

В эту игру мы играли с незапамятных времен. Когда дома становилось совсем уж невыносимо, мы запирались в моей комнате, залезали с карманным фонариком под кровать, и Роберт начинал спрашивать. А я отвечала. Что-то вроде сказки о счастливом будущем.

– И где мы будем жить?

– В городе. Далеко-далеко отсюда.

⁸ Спенн – жаргонное название кроны (ср. бакс и т. д.).

– Я не люблю город. Лучше в деревне.

– Тогда в деревне. Там, где никто не будет знать, кто мы такие, откуда взялись и как нас зовут. Даже мамаша с папашей, если они ни с того ни сего начнут нас искать. Это будет совсем другая история. Скажем, что приехали с цирком, нам плохо платили и мы убежали. Придумаем себе новые имена.

– А где мы будем жить? В доме или в квартире?

– На старом хуторе, как профессор.

– Не-е... Я хочу жить в новом доме. С хорошей мебелью. И пусть будут видеомэгнитофон и стерео. Не так, как у нас дома. Или у профессора.

– Обязательно купим. И видео, и стерео.

– И новые очки?

– Очки – в первую очередь.

– И одежду. Не из Красного Креста и не джинсы мешком из «Гекоса», над которыми народ помирает со смеху. У нас будут настоящие джинсы, фирменные. И все новое.

А может быть, все и в самом деле так будет, подвернись только возможность. И подвернется, только не так скоро, как думает братишка. Надо иметь терпение. Весной я окончу школу, и тогда уж никто не будет мной командовать. Найду работу, найду жилье. Мамаша даже не заметит, что я исчезла. И Роберт будет жить со мной всю жизнь.

Беда только в том, что ему еще два года учиться, а я не могу все время быть с ним. Придется ему справляться самому, а то социальные службы поместят его в какую-нибудь чужую семью, неизвестно где... и мой мир рухнет. Ничего страшнее я и представить не могу.

– И все равно, если папа вернется, все будет лучше.

– Почему ты так думаешь?

– Мне так кажется, вот и все...

Я знаю этот его взгляд, словно погасили лампу, он уходит в свои мысли и исчезает куда-то – туда, где все именно так, как он мечтает.

– Я приведу его в школу, мы пойдем по коридору, и я покажу всех, каждого, кто нас с тобой мучает... нет, каждого не удастся, времени не хватит, только самых-самых гадов... и папа с ними разберется.

– И как же он с ними разберется?

– Никто даже и не посмеет слова сказать. Ты же знаешь, какой он бывает, когда разозлится. Идите сюда, сукины дети, скажет он им, и они поплетутся как миленькие. И мы так пойдем по всей школе, и он погонит их перед собой, как...

– А если появится кто-то из учителей?

– Он над ними только посмеется. Мой сын, скажет он, никогда больше не пойдет в ваш поганый класс для отсталых. Пошли вы все подальше, скажет он. Ноги нашей здесь больше не будет. И он погонит их на парковку и затолкает всех в свою машину, и мы поедем.

– Куда?

– В место, про которое никто не знает. Наше убежище. И он запрет их там. В погребе. Или побросает в пустой колодец. И они будут там валяться, связанные и в цепях, и мы с папой будем каждый день приходить и делать то, что они делали со мной.

Он замолчал и улыбнулся своим мыслям. Что-то новое – я такого никогда раньше не слышала. Оказывается, он мечтает отомстить.

Опять невеста откуда появилась норка. Вышла на пандус и улеглась – подсохнуть на солнышке. И все время косилась на нас, по крайней мере, мне так показалось. Прикольно. В рыбарне было тихо, но эти двое были там. Братья Томми, теперь я была совершенно уверена. Их тени в окне метались то туда, то сюда. Похоже, перетаскивали что-то.

Не знаю, почему я вдруг насторожилась. Как в фильме, когда прекращается фоновая музыка, на которую ты вроде бы и не обращаешь внимания. А может быть, только сейчас я

начала осознавать, что произошло. Почему-то Герард решил, что я на них настучала, и начал грозить: не принесешь деньги вовремя, будет еще хуже. И я сама виновата – не надо было подкидывать ему эту мысль.

С Глюмстенсвеген послышался рокот школьного автобуса. Сейчас вывалится толпа гломменских, и кому-то может прийти в голову спуститься к причалу. Я встала – мне не хотелось никого видеть.

– Пошли, – сказала я брату. – Линяем...

На полу стояли два переполненных полиэтиленовых пакета с мусором. Третий упал, содержимое вывалилось на пол. Перед дверью в туалет наблевано. Красное вино, определила я, и что-то там она жрала. В доме тихо, дрыхнет, наверное, наверху. Не проснется, даже если гранату в окно бросить.

– Фу, как воняет, – сморщился брат.

– Я все уберу. Посмотри пока телек.

Он повесил куртку, обогнул лужу и скрылся в гостиной. На столе в кухне среди немытой посуды валялись две пустые бутылки «Парадора»⁹. Недопитый стакан вина, наполовину заполненный размокшими окурками. Грязная посуда навалена не только на столе – и в мойке, и даже на полу лежит тарелка, к ней что-то коричневое прилипло...

Я потеряла нос белым перцем и достала из шкафа швабру, тряпки и все, что нужно для уборки...

Сколько же раз мне приходилось этим заниматься! Мне было шесть или семь, когда я впервые подтирала блевотину за взрослыми. В тот раз была папашина очередь, он устроил пьянку с корешами и какими-то незнакомыми бабами. Заблевали весь пол в ванной, но целые сутки никому и дела не было: заходили, писали, тетки пудрились, морщили носы, перешагивали вонючую лужу и возвращались в соседнюю комнату. Танцевали, пели, ссорились, даже дрались, засыпали... пока у меня не кончилось терпение и я не смыла все это прямо из душа. И все равно привыкнуть не могу. Прямо сознание теряю от вони. Этот трюк с белым перцем я придумала сама – помогает. Чихнешь пару раз, в ноздрях жжет, но запаха почти не чувствуешь.

Я прибралась, составила посуду в шкаф и вымыла руки в мойке. Странно, но хотелось есть. Судя по всему, мать получила сегодня социальные деньги или пособие на детей, значит, хоть какая-то еда должна найтись.

Как же! В шкафу стояли только пустые бутылки, по несколько штук на каждой полке. В холодильнике тоже было пусто, если не считать нескольких банок с пивом и каким-то чудом уцелевшую бутылку джина в морозильнике.

В хлебнице, спасибо, нашлась половина скугахольмского хлеба. А в ящике для ножей и вилок лежала банка консервов – тунец в собственном соку. Я сделала два бутерброда брату, один себе и пошла в гостиную.

Роберт свернулся калачиком в кресле, смотрел телевизор и улыбался чему-то.

– Что смотришь?

– Про всяких необычных морских зверей. Гигантские осьминоги и все такое. И про глубоководных рыб. Думали, они вымерли давно, и вдруг одна попалась в сети. Какая-то двоякодышащая... В Австралии. Мама спит?

– Думаю, да... Она, судя по всему, крепко поспаздновала.

– Вот и хорошо, что спит... Неохота на нее смотреть.

⁹ «Парадор» – дешевое испанское вино.

Гостиная у нас та еще. Ни картин на стенах, ни даже цветов в горшках. Протертый диван и журнальный столик, который я помню чуть не с рождения. Телевизор на ящике из-под пива и плохонькая стереосистема – на точно таком же ящике.

У батареи – еще одна бутылка «Парадора». На полу черные пятна: мать гасит окурки очень просто – тычет их в линолеум. Пепельницу найти лень. Всего два дня назад я убирала весь дом... даже утром, когда мы уходили в школу, все было вполне прилично. Когда же она успела так все загадить, да еще сбегать в банк, получить деньги и затариться в «Систембулагете»?¹⁰

Я поднялась на второй этаж – дверь в спальню закрыта, оттуда доносится храп, похожий на звук работающего отсоса у зубного врача.

Она заходила в мою комнату. Знала бы, заперла бы на ключ. Все ящики выдвинуты, стул опрокинут, книги разбросаны; старые игрушки из ящика вывалены на пол, куклы с остриженными волосами, Барби, смурфики... Даже трусы перевернула в комод. А потом, наверное, принесли с почты чек из социалки, и она понеслась в банк, даже дверь позабыла закрыть. Я сунула руку за батарею – слава богу, конверт на месте, я его прилепила скотчем к стене. Там все мои сбережения – триста крон. Они мне очень понадобятся в ближайшие дни.

Прошла в спальню – мама даже не разделась, спала поперек кровати, в ножном конце. На щеке губная помада, между пальцами – погасший окурочек сигареты. Укрылась своим красным пальто из «Гекоса» – вся наша одежда оттуда. Раза два в год она заставляла себя сесть на автобус в Улларед и поехать за покупками. Джинсы неизвестного происхождения. Зимние шмотки. Джемпера и кофты, давно вышедшие из моды. Для такого подвига нужно было, чтобы она не пила какое-то время и наскребла хоть сколько-то денег, иначе до следующей поездки проходило еще полгода. Мы успевали вырасти и выглядели идиотами в коротких брюках и обтягивающих свитерах.

На ночном столике у нее стоит наша с братом фотография в рамке. Мне на ней шесть, братишке четыре. Снимок сделан сразу после нашего переезда сюда, и мы выглядим довольно счастливыми. Стоим на улице перед домом, на мне джинсовая юбочка и футболка, на братике короткие штанишки и голубая рубашка. Даже не помню, кто снимал. Может, мама? А откуда у нее фотоаппарат? Никогда у нас не было фотоаппарата. У других я видела фотоальбомы, даже видеофильмы – дети в колыбельках, потом в кроватках, вот вся семья в отпуске, конфирмация... а у нас никогда ничего такого не было. Мама с папой не интересовались прошлым. Словно бы жизнь их была такой грязной и грустной, что они старались стереть все воспоминания.

Под портретом лежал конверт. Подошла поближе – письмо от отца.

Я спустилась в кухню. Брат листал какой-то комикс.

– Что по ящику?

– Ничего интересного. Детская передача. Я уже вышел из этого возраста. Как она там?

– Спит как колода. Даже не разделась.

– Могла бы и прибрать за собой. Тут черт знает что творится.

Он с отвращением посмотрел на мойку и тут же отвел глаза – уставился в окно.

– Так странно... – медленно сказал он. – Этот фильм... Столько рыб, столько зверей живут в море. Я имею в виду – на глубине. Настоящей глубине. Несколько километров. Куда даже свет не доходит. Наверняка живут.

– В морских впадинах?

¹⁰ «Систембулагет» – сеть магазинов спиртных напитков (в Швеции торговля алкоголем монополизирована).

– Ну да, так они и называются. Впадины. А мы даже не знаем, есть там жизнь или нет. Есть, я думаю, наверняка есть. Сотни видов, просто они еще не открыты. И я подумал – если мы не знаем, что в море, откуда нам знать все остальное?

Пусть фантазирует. Я между делом начала прибираться, выбросила окурки, убрала бутылки, налила воду в мойку.

– Откуда? – повторил он. – Сама подумай – сотни видов! Мы их еще не открыли. И даже невидимые среди них могут быть, откуда нам знать, если мы их не видим? Или... или, скажем, я вижу, а другие нет. Они не для всех невидимы. Представляешь – такой невидимый зверь стучится в окно ночью! И он идет со мной в школу, и никто его не видит, только я, и он меня защищает, а его все равно никто не видит.

– И так может быть... когда-нибудь у тебя заведется невидимый защитник. Только не сразу. Не завтра. А пока сделай уроки. И руки смажь. Там оставалось немного в тюбике. Смотри, опять кожа потрескалась.

Он встал и посмотрел на меня. Как же я его люблю... Никого я так не люблю, только Роберта, своего младшего брата. Худенький, в нелепой одежде, которую я, будь моя воля, никогда бы не позволила ему надеть, заклеенные скотчем очки, а за очками – серые добрые глаза, и они, эти глаза, видят такое, что ни один человек на свете не увидит.

Весной, когда Роберт был еще в шестом, они решили всем классом поехать в Данию. Посетить Леголанд и Копенгаген, посмотреть музеи, а потом целый день в Тиволи. Собирали деньги все полугодие, продавали ранние цветы и лотерейные билеты, устроили блошинный рынок в спортзале. Кое-кто из пап, из тех, что работали на «Фальконе»¹¹, получил бесплатно ящики с лимонадом, и дети их продавали, а мамы испекли булочки и пирожные.

Поездка намечалась на Троицу, но брат начал мечтать о ней еще с весны. Всю весну дети писали групповые работы о Дании – география, история и все такое. Учили имена членов королевской семьи. Читали «Русалочку» по-датски, рисовали карты, устраивали выставки. В общем, готовились изо всех сил. Роберт только об этом и говорил – как он хочет посмотреть Леголанд, где даже улицы вымощены кубиками «Лето», а главное – мечтал, как они будут жить в отеле, в настоящем отеле, где не надо застилать за собой постель – придут люди и наведут чистоту, а мыло там лежит в маленьких упаковках на полках в ванной. Он словно и забыл, что всю поездку ему придется быть одному – никто с ним не сядет. Он даже не думал или не хотел думать – одноклассники опять начнут его дразнить, никто не примет его в свою компанию.

И вдруг оказалось, что собранных денег не хватает. Учительница разослала письма родителям – так и так, возможно, поездка отменяется. Назначили родительское собрание – все сказали, что наскребут недостающие деньги. Кроме наших, ясное дело. Они вообще не пришли, поэтому никто и не спросил, что делать с теми, у кого денег нет. И конечно, случилось то, чего братишка больше всего боялся: его не взяли.

Всю Троицу он проплакал у себя в комнате. Он был в полном отчаянии, я все слышала через стенку – и ничего, ничего не могла сделать, чтобы его утешить. Хуже всего было, что мамаша ему вроде бы пообещала эту поездку, но потом передумала. Папа задолжал кому-то деньги, и ему грозят неприятности. Разговор окончен. Какие еще поездки! Деньги, если бы они и были, нужны для другого.

Обо всем этом я успела подумать, пока вытаскивала письмо из конверта. Мы все повязаны друг с другом – я, братишка, мать и отец. И все, что происходит в их жизни, немедленно отражается на нас.

¹¹ «Фалькон» – одна из крупнейших фирм по производству пива и прохладительных напитков.

Письмо было из тюрьмы, со штемпелем наверху. Наверняка его вскрывали еще там – клей по бокам не держал. Интересная это штука с клеем на конвертах, отлепить легко, а назад, чтобы незаметно было, приклеить невозможно. Почерк детский и неровный, будто буквы застеснялись своего уродства и собрались убежать с бумаги в разные стороны.

Его, оказывается, отпустят на три месяца раньше срока. Он даже написал когда именно. *Может, встретишь меня у ворот тюрьмы в Хальмстаде? Как ты себя чувствуешь и есть ли у тебя деньги? Я на нуле, деньги за работу в тюремной мастерской получу не раньше Рождества.*

Еще он сообщал, что уже пытался найти работу – на гальванической и стекловолоконной фабриках в Фалькенберге, – но надежд больших не испытывает.

Я видела перед собой эту картину, как он пишет письмо. Сидит в своей камере, пачка «Иона Сильвера» на укрепленном в стене столике. Типичная тюремная одежда – нижняя рубашка, комбинезон и тапки. На стенах афишки: голые красотки, как их там зовут... Аннет, Сюзи... все они похожи на нашу маму в молодости. Вот он грызет карандаш, обдумывает следующее предложение, старается, чтобы черточки и дужки составлялись в буквы, а буквы – в слова... безобразные до невозможности, по ним ясно видно, какую борьбу он выдержал сам с собой. Слышу звуки из коридора: звяканье ключей на поясе надзирателя, кто-то включил радио, кто-то просто орет что-то невразумительное.

Если я не ошибаюсь, папаша появится через три недели.

Поздно вечером мать проснулась и спустилась вниз. Почему-то в пальто. Колотун ее бьет, что ли, с похмелья... Роберт уже спал, а я сидела в кухне и соображала, что же мне делать в ближайшие дни.

– Доброе утро, – сказала я.

Она налила стакан воды:

– Говори потише, если можешь. Я плохо себя чувствую.

– Могу понять. Ты даже не разделась.

Она вздохнула, нашаривая на полке порошок парацетамола.

– Папа возвращается через несколько недель. Я очень обрадовалась. Ну и... отпраздновала. Его отпустят раньше срока.

– Я читала письмо.

Глаза блуждают. Закурила сигарету, увидела письмо на столе и сунула в карман пальто.

– Роберт у себя?

– Спит.

– Хорошо.

– Они опять над ним издевались...

– А почему он не даст сдачи? Почему не защищается?

Она села за стол и высыпала парацетамол в воду. Вода забурлила. Выглядит жутко, мешки под глазами, волосы спутаны, чуть не колтуны. Я ее даже не осуждаю, осуждать ее трудно, но и понять невозможно. Иногда я размышляла: если я пойму, кто она есть, то уже вроде бы не остается места для осуждения, а если сразу начну судить, то и не пойму никогда... Она же не всегда была такой – равнодушной полупьяной женщиной, которую я вижу перед собой. Я же помню эти мгновения: я сижу у нее на коленях, а она смеется и красит мне ногти красным и белым лаком, ногти становятся совсем как божьи коровки, а по вечерам она еще могла играть со мной и с Робертом в карты или в футбол на улице. А сейчас... протягивает руку погладить, а я отшатываюсь так, что чуть не падаю со стула.

– И нечего читать чужие письма... Это некрасиво.

– И нечего шарить в моей комнате. Если там и есть деньги, они мои. Теперь там на час уборки.

Длинный пористый цилиндрик пепла падает ей на колени, но она этого не замечает.

– А здесь, внизу, настоящий свинарник. Извини, что я об этом говорю, но ты заблежала всю прихожую.

Я слышу все словно со стороны. Это не разговор нормальных людей... но все так и есть.

Она с трудом встает и подходит к календарю. Похоже, не поняла, что я ей сказала, либо вообще ничего не помнит. Ну и хорошо, не хватало мне только ее раскаяния.

– А что за день сегодня?

– Пятница.

– Через три недели приедет папа. И я хочу, чтобы ты переехала к Роберту. Придется вам пока жить в одной комнате.

– Почему это?

– У нас плохо с деньгами. Мы с папой решили сдать нижний этаж, а в твоей комнате поставим телевизор. Надо же нам смотреть телевизор иногда? Или как?

Она достала из холодильника банку пива и посмотрела в окно. Начался проливной дождь.

– И кому же вы собираетесь сдать этаж?

– Папиному приятелю. Они вместе отбывают срок, и ему негде жить.

– Ты его знаешь?

– Нет. Папа знает.

– Значит, может оказаться полным отморозком.

– Дорогая, тут нечего обсуждать.

Как бы я ни старалась, она ни за что в жизни не пойдет против отца. Мне не хотелось расплакаться у нее на глазах – ненавижу себя в такие минуты. У меня нет права на слезы, слезы дороги, и их надо экономить. В моем-то положении – точно. Даже сама мысль об отцовском приятеле из катажки вызывала у меня тошноту. И моя комната... единственное, что в этом доме было по-настоящему моим. Я могла запереть дверь, и все, что за ней происходило, меня не касалось.

– Иди ко мне, девочка, не огорчайся...

И опять я вижу все происходящее будто со стороны: женщина с нечесаными жирными волосами, с губной помадой на щеке, пахнущая, как старая больная собака... это моя мать. Вот она отдирает жестяной клапан на банке с пивом, жадно пьет это проклятое пиво, держит банку в одной руке, а другую протягивает своей пятнадцатилетней дочери: иди ко мне, доченька, я тебя утешу...

Все равно я начала реветь, хоть и не хотела. Как ребенок, ей-богу. Слезы текли и текли, пока в теле моем совсем не осталось влаги и оно стало похожим на кусок черствого хлеба.

Не так-то легко собрать во что-то целое мамину и папину жизнь – они почти ничего о себе не рассказывают. Насколько я знаю, папа родился в какой-то деревне под Умео. Его выгнали из дому. Ему было пятнадцать, он попал в плохую компанию, и родители не захотели с этим мириться. Это он мне так когда-то объяснил. Дед мой, его отец, работал в лесу, и он, и бабка были абсолютными трезвенниками и к тому же очень религиозны. И всё, как отрезало – они никогда больше с сыном не виделись.

Несколько лет он мотался по стране, не имея постоянного пристанища. Жил то в Стокгольме, в доме для холостяков, то в Буресе и Норрчёпинге, даже в Карлскруну его занесло. Там работал на верфи, где строили катера и яхты. Наконец его потянуло в Гётеборг – кто-то ему, должно быть, сказал, что в Гётеборге легче найти работу.

И в самом деле – в Гётеборге отец устроился на небольшой фабрике. Там делали сети – рыболовные и камуфляжные, для армии. Он доставлял готовые тралы по всему западному

побережью: маленькие для лангуст, побольше для скумбрии и самые большие – для трески. В этих сетях даже были специальные клапаны, чтобы выпускать нежелательный улов еще до поднятия трала. В Фалькенберг он попадал не чаще чем пару раз в год – у фабрики были заказчики в Гломмене и Треслевслеге. Там он познакомился с кучей людей, в том числе и с маминей компашкой.

Ей только что исполнилось восемнадцать. Он появился на какой-то их вечеринке, и она сразу влюбилась по уши. Училась она в то время на швею, снимала комнату у какой-то семьи в Фалькенберге, а на выходные ездила к бабушке в Укуме. И вот, в тот вечер, когда они встретились с папой, она должна была быть у бабушки, но началась пурга, и автобус в Этрадален отменили. И она пошла на вечеринку с подружками, а бойфренд одной из них, рыбак, привел с собой папу. Потом пошли на танцы. Папа швырялся деньгами, одет был, с маминых слов, как гангстер – костюм, шляпа и все такое. Одним словом, выделялся среди других. Даже подумать странно – мама тогда была всего на три года старше меня.

Они встречались каждый раз, когда папа заезжал в Фалькенберг, и не прошло и года, как мама забеременела. Не думаю, чтобы они так уж мечтали о ребенке. Отцу нравилась его жизнь – свободный человек, ездит по побережью, продает свои тралы и между делом снимает телок и проворачивает кое-какие делишки. А мама была совсем еще девчонка.

Значит, залетела она, бросила учиться и устроилась работать на той же текстильной фабрике, что и бабушка. Поселилась в своей старой детской и жила там, покуда папа не уволился и не переехал к ней. Они сняли полуразвалившийся дом в деревне, папа устроился на лесотороговую базу. А тут и мне подошло время появиться на свет.

Через год они опять переехали. На этот раз в Винберг – не ужились с бабушкой. Та утверждала, что папа испортит мамину жизнь. Они тогда уже крепко выпивали, даже социальные службы появлялись. Пришли к выводу, что мне лучше жить с бабушкой или, еще того чище, в приемной семье, но дело так ничем и не кончилось. Отец к тому же разругался с кем-то на работе. Дело дошло до драки, а потом он попался на хранении наркоты и угодил в тюрьму. Когда вышел, у него уже не было никакого желания устроиться на нормальную работу. Покупал у польских моряков водку и пилюли для похудения и продавал их каким-то подозрительным типам по всему Халланду. Я все это знаю, потому что наткнулась как-то на целый ящик с судебными постановлениями и обжалованиями у него в гардеробе. Когда мне было два с половиной, родился Роберт. Как раз на Рождество, сильно недоношенный, так что ему пришлось долго лежать в кювезе в роддоме в Варберге. Мы с мамой ездили туда довольно часто... у меня остались неясные воспоминания – спящая кукла в кислородной палатке. Кукла, обмотанная шлангами и капельницами. Очень хотелось подойти и потрогать, но это было строго запрещено. Дотрагиваться до него было нельзя, даже разговаривать поблизости не рекомендовали. Никто не знал, выживет он или нет, врачи ничего определенного не говорили. Время, дескать, покажет. День прошел, и слава богу. Отец, по-моему, ни разу с нами не был. В то время его карьера уголовника продвигалась более чем успешно.

С четырехлетнего возраста я помню все прекрасно. Помню, как нас выселяли из квартиры в Винберге, как переезжали в социальную квартирку в самом Фалькенберге. Или как полицейские вечером ворвались и перевернули все вверх дном – искали краденое. Помню, как мне странно это было, потому что в другом мире, для всех остальных, полицейские добрые и отзывчивые, к ним всегда можно обратиться за помощью. Еще помню, как отца избили два парня, которым он был должен деньги. Позвонили в дверь, мать открыла. Они отшвырнули ее в сторону, как тряпичную куклу, и прямым ходом направились к дивану, где отец смотрел телевизор со мной и Робертом на коленях. Они ударили его бутылкой. А когда он упал, начали бить ногами. Не знаю, что мне взбрело тогда в голову, наверное, пыталась защитить двухгодовалого братика, – вцепилась одному из них в ногу. Они, по-моему, даже и не

заметили, продолжали пинать отца, пока в комнату не ворвалась мать с бумажником в руке. Они выпотрошили из бумажника все деньги и ушли.

Чего я только не помню... Все эти пьянки с совершенно чужими людьми, пьяные марафоны – кто-то отключается, его сменяют другие, в доме шум, как на базаре, кто-то продолжает пить, кто-то набирается сил для продолжения. Ты даже имен их не знаешь, и слава богу. Они появляются в дни получки и исчезают навсегда, им наплевать, что ты существуешь, и тоже слава богу. Хуже те, кого ты знаешь по имени, завсегдатаи. Они притворяются, что им есть до тебя дело, врываются в твою комнату с бутылкой в руке: «Как дела, старушка, я ведь тебя не беспокою?» Хуже, хуже, эти еще хуже. Те-то просто идиоты, знаешь, чего от них ждать, пытаются тебя пощупать, раздевают взглядом... мамаша как-то услышала, как один тип предложил мне пойти с ним в душ. Она прямо озверела, схватила хлебный нож и прогнала его пинками. Но эти, добренькие, еще хуже. Им, видите ли, жалко нас с Робертом, а чем они отличаются от других? – свинничают, как и остальные. Самое удивительное, постепенно начинаешь думать, что так и должно быть, что это нормально – толпа алкашей в доме. И еще пытаются, еле держась на ногах, задавать вопросы: как, мол, дела в школе? тебе уже сколько стукнуло? десять? Или еще того чище, с дрожью в голосе: как же ты терпишь здесь таких, как мы?

Мне исполнилось шесть, и мы съехали с нашей квартиры в Фалькенберге. Жить там было нельзя – плесень в ванной и кухне, пузырящиеся обои, линолеум по углам начал отставать и сворачиваться. Запах плесени въедался даже в одежду, дышать было нечем. Мать обратилась с жалобой в социальное управление, и те из чистого сострадания нашли для нас жилье в одном из цепочки таунхаусов в Скугсторпе. Так мы сюда и попали. Осенью я собиралась в школу и была неимоверно горда и счастлива. Почему-то надеялась, совсем еще сопливая девчонка, что теперь-то все изменится к лучшему.

Поначалу и вправду изменилось. Все было так красиво. Только что построенный дом, игровая площадка рядом, вдоль улицы посажены деревья. Маме и папе словно бы дали шанс изменить свою жизнь, и они, как мне теперь кажется, это понимали. Мама шила гардины и покупала мебель на распродажах Армии спасения. У нас с братиком у каждого было по комнате. Никогда не забуду, как увидела эту комнату впервые: совершенно моя комната, с встроенным платяным шкафом и видом на улицу! Неважно, что дома построены, как они тогда говорили, «по бюджетному проекту» – самые дешевые материалы, стены тонкие, так что, если кто-то шел в туалет на нижнем этаже, слышно во всем доме. Мы с мамой повесили плакатик с Бамсе, мне купили новую кровать и простыню с картинками из «Пеппи Длинныйчулок». У отца тогда были деньги. Он занимался какими-то делами, даже устроился на работу на норковую ферму в Улуфсбу. Дело было летом, и иногда он брал нас туда с собой. Даже не знаю почему, но эти посещения мне запомнились особенно сильно – скорее всего, потому, что обычно отец с нами почти не разговаривал. Смотрел на нас, точно мы были неизвестно кем и случайно оказались с ним под одной крышей. И вдруг ни с того ни с сего переменялся – стал веселым и открытым. Почему-то ему захотелось показать, где он работает. Длинные помещения для норок – без стен, только с навесом от дождя, – ловкие, гибкие зверьки, по пять штук в клетке. Они выглядели очень добродушно. Почти как мягкие игрушки. И вправду очень красивые, но добродушие норок обманчиво. Ни в коем случае нельзя совать руку в клетку – детский палец перекусит запросто. Не надо забывать, они хищники, сказал папа. А его работа была обеспечивать норок питанием. Рыба из Гломмена, отходы птицефабрики в Турсосе, все это он смешивал с мукой и водой – получалось нечто вроде каши. Во время работы он не пил. Разве что в дни убоя, но в эти дни пили все, кто там работал, иначе можно было рехнуться от вони.

Первый год в Скугсторпе все шло хорошо. И мне не надо было все время заботиться о братике – мама была дома. Папа работал и старался избегать старых знакомых. Роберт ходил в детский сад четыре дня в неделю. А я осенью поступила в школу.

У меня сохранилась первая классная фотография – так странно смотреть на нас, шести-, семилетних, мы там словно наброски нынешних, уже почти взрослых. Педер и Герард в заднем ряду, у обоих повыпадали молочные зубы. Лучшие друзья уже тогда. Оба в джинсах «Lee» и джинсовых же курточках. Вполовину меньше, чем сейчас, но все равно ни с кем не спутаешь: маленькие копии их самих сегодняшних. А я сижу на корточках слева внизу, и вид у меня такой, будто я сама не знаю, как тут оказалась.

На карточке, может, и незаметно, но как было, так было: с самого начала я не вписалась в класс. Никто меня не дразнил, не бил, просто не замечали. Словно меня и не было. Может быть, бывшие отцовские подвиги сыграли роль? Скорее всего, родители велели своим отпрыскам держаться подальше от меня и брата. А может, и потому, что мы жили в одном из этих дешевых таунхаусов, которые считались в поселке чуть ли не трущобами. Остальные жили в виллах или в настоящих, добротных таунхаусах, с ухоженными садами. Или из-за того, что мы были одеты так уродливо, да и волосы грязные – мать вечно забывала купить шампунь. Но, как я помню, меня это особенно не волновало. С момента нашего переезда в Скугсторп жизнь стала намного легче.

Я уже была в четвертом, когда папа опять влез в долги и взломал магазин, чтобы расплатиться. Снова угодил в тюрьму, на этот раз на восемь месяцев. Но этого хватило, чтобы опять пошло все как раньше. Помню, как той осенью мы навещали его в Хальмстаде. Первый раз я была в тюрьме. К нам там все были очень добры, особенно тетка-надзирательница. Она отвела нас с Робертом в комнату для игр. Сделала бутерброды с маслом, налила апельсинового сока и, пока мама разговаривала с папой, объясняла, что такое тюрьма. Я слушала не очень внимательно, потому что там было полно всяких игрушек, и она, наверное, заметила, что мы ее не слушаем: замолчала, дала нам цветные мелки и бумагу, – и оставшееся время мы рисовали. Один из рисунков у меня сохранился. На нем папа в тюремной одежде, как я ее себе представляла: в черную и белую полоску, как в комиксах. Потом, когда он пришел на нас посмотреть, оказалось, что я ошиблась: на нем были такой же, как дома, спортивный костюм, футболка и коричневые сандалии.

Вообще говоря, детей внутрь не пускают, но для нас почему-то сделали исключение. Папа показал нам свою камеру. Там была настоящая решетка на окошке в двери, койка и намертво прикрученный к полу стол. Роберт был совершенно вне себя от восторга, как будто принимал участие в каком-нибудь захватывающем триллере.

Не знаю, каким образом дети в школе пронюхали, что папа в тюрьме. Может, учительница проболталась. А может, сарафанное радио. И все изменилось. Меня начали всячески обзывать, прятать мою одежду, подкладывали собачье дерьмо в сапоги, да и вообще пакостили, как могли. Но для братика все было намного хуже. Одноклассники не удовлетворялись мелкими пакостями, они издевались над ним физически. В средней школе я только и делала, что пыталась его уберечь от травли, но, как ни старайся, не всегда ведь удается оказаться в нужное время и в нужном месте. Становилось все хуже и хуже, а ему становилось все труднее сосредоточиться. Он начал прогуливать. Убегал из школы, шел к морю и сидел там часами до самого вечера. И тогда же он начал писаться...

К брату приставили отдельного педагога, придумали особую программу. Но отношение к нему в классе становилось все хуже. Дети вытворяли с ним все что хотели. И нисколько не стыдились. Плюнуть в лицо, сломать велосипед, очки, вывалить в снег – все это происходило чуть не каждый день. А как они его оскорбляли... свинья, недоделанный, выродок, зассыха... Ну и все в этом роде.

Он перешел в седьмой класс, и вроде бы должно было стать полегче. Последние два года я не могла ему помогать. Хотя у меня все пошло немного лучше – после того, как в нашем классе появился Томми. Если не обращать внимания на кое-какие обидные слова... Ну, вроде того, называют меня Доской, и пусть называют. У меня и вправду грудь еще не выросла. Во всяком случае, Герард со своей бандой оставил меня в покое. Смотрели на меня и на Томми как на пустое место. А самое главное – теперь мой класс и класс Роберта помещались в одном здании, так что на переменах я могла быть рядом с ним. И Томми обещал помочь в случае чего.

Так я надеялась – должно стать полегче. А на самом деле стало еще хуже. По закону Мёрфи, как говорили парни в школе...

Томми я разыскала только в субботу утром. Трубку взял один из его братьев. Я хотела сказать, что видела их вчера на причале, но в последнюю секунду удержалась – при чем тут это? Томми подошел не сразу. В трубке слышна была музыка – радио, наверное. Кто-то гремел посудой.

– Я слышал, что вчера случилось, – сказал он, не поздоровавшись. – Ты должна на них заявить.

– Откуда ты знаешь? Тебя же там не было.

– Соседский парень доложил. Говорит, Педер заставил тебя жрать траву.

Я рассказала ему про котенка и про все остальное, хотя кое-какие подробности утаила.

– Значит, они думают, это ты настучала?

– Похоже, так.

Он дышал так, будто ему пришлось пробежать до телефона метров сто.

– А может, Герард все это придумал, просто поразвлечься хотел. На этот раз ты ему попалась, а мог быть я или кто-то другой.

– С тобой бы он не решился. У тебя братья вон какие.

Вдруг мне пришло в голову, что голос у Томми нормальный, никакой не больной. Значит, он просто прогулял всю неделю?

– Они говорят, что отыграются на Роберте.

– А он-то тут при чем?

– Ни при чем.

Томми помолчал. Музыка стала громче – должно быть, кто-то подкрутил звук.

– И что теперь делать?

– Заплатить Герарду тысячу спенн... говорит, оставит нас в покое. И ко всему еще папаша возвращается из тюрьмы с каким-то дружком. Осень, считай, испорчена.

– О, черт... а почему Герард решил, что кто-то на него настучал?

– Педера вызывали к ректору, и он говорит, что Л-Г про все знает. Значит, кто-то настучал.

– А кто?

– Откуда мне знать? Кто-то из их же банды, помельче.

– Ну, это Герард мигом бы выяснил... они же готовы в штаны наложить, стоит ему только на них поглядеть. Сами бы сознались. Ему даже спрашивать не надо.

– Скорее всего, Педер или Ула, – пришло мне в голову. – У Педера же кошка, помнишь? Она давно у них, мы еще в седьмом были. Она вполне могла окотиться. И кто-то из ее котят... Герард просто мог отобрать его у сестренки Педера. Тот, может, даже протестовал.

– Не понимаю.

– Кто-то же настучал, и этот кто-то – не я. Кому-то и кроме меня показалось, что Герард слишком уж далеко зашел.

В трубке зашуршало, похоже на чей-то шепот.

- Ты слушаешь?
- Ясное дело, слушаю... А где ты возьмешь тысячу спенн?
- Придумаю что-нибудь. Сегодня собираюсь поехать в город, у меня есть кое-какие планы.
- Может, лучше не ходить в школу? Пока все не успокоится?
- Тогда Герард точно решит, что это я настучала. Нет... Пойду, как будто ничего не случилось. Только как уговорить братишку? Обычно его мордуют семиклассники. А теперь еще и девятый.
- Надо поговорить с кем-нибудь из взрослых.
- С кем? С мамашей? Ты шутишь...
- Мы опять замолчали. Я подумала, не попросить ли одного из братьев Томми что-то сделать – оба известные драчуны. Какое-то время они даже хороводились с моим папашей, когда тот еще работал на звероферме. Но когда несколько лет назад унаследовали баркас-траулер, успокоились. Может, они и могут припугнуть Герарда, но ненадолго. Он ненормальный, законченный психопат... только разозлится еще больше.
- Я вчера видела твоих братьев, – сказала я, чтобы что-то сказать. – Мы с Робертом удрали в Гломмен после всего этого. Если бы ты не болел, зашли бы к тебе.
- Что ты видела?
- Да ничего... они просто там были...
- Где – там?
- В рыбарне... Увидимся в выходные? Ты вроде бы уже и не болеешь.
- Не могу. Мне надо кое-что сделать.
- Что?
- Так... ничего особенного.
- И опять голос его прозвучал странно. Не знаю, в чем дело, но что-то было не так.
- У тебя был отключен телефон?
- Почему?
- Я со среды звонила каждый день, но никто не брал трубку.
- У меня была температура. За тридцать девять зашкаливало. А телефон внизу, у меня просто сил не было спуститься.
- А родители? Братья?
- Я должен кончать разговор, – ни с того ни с сего заявил он. – Увидимся в понедельник.
- Давай еще поговорим. Может, придумаем что-то...
- В другой раз, Нелла, пока... – И повесил трубку.
- Ничего не понимаю.

И мы с братишкой вытащили наши велики и поехали по улице Подсолнечников. Зарядивший было дождь кончился. Со стороны шоссе катила стайка подростков на роликах. Чьи-то бодрые папы с непроницаемыми физиономиями уже мыли свои машины – сигарета в зубах, шланг в одной руке, губка – в другой. За шторами вилл сидели семьи и завтракали, дети предвкушали игры, поездки в город, чипсы к вечеру. Это могли бы быть и мы, подумала я, где-то в одном из параллельных миров, о которых рассказывал физик, где все выглядит точно так же, только с отклонениями: все праворукие там левши, брюнеты – блондины, а у кареглазых огромные голубые глаза. Но что-то пошло не так, и мы с Робертом, как обычно, вытянули пустой билет.

Я решила начать с «Юниор Центр»¹², магазина одежды на Нюгатан. Накануне выплачивали детское пособие, так что там должно быть полно народу. Подростки моего возраста.

¹² «Юниор Центр» («JC») – сеть магазинов молодежной одежды.

Девчонки, мальчишки и их родители с распахнутыми кошельками. Все из хороших семей, они-то ни за что не перешагнут порог «Гекоса» или «Муравьев»¹³. К тому же здесь продавались вещи, которые легко сбыть с рук. Футболка с Микки-Маусом – тридцать крон, пара джинсов – шестьдесят. Фирменные вещи стоили, конечно, дороже, но продавцы за ними следили особенно внимательно. Ладно, начнем здесь, а потом уже в другие магазины.

– «Джей-Си», – сказала я брату. – Я скажу, что ты должен делать.

Мы вошли в магазин. Никто и не обратил внимания. За кассой стоял парень лет двадцати, двое других помогали клиентам у примерочной, где уже выстроилась небольшая очередь – подростки с джинсами и майками. Брат остался у входа, а я пошла разведать, что к чему.

«Джей-Си» – небольшой магазин. Никаких зеркал на потолке – по той простой причине, что в них нет необходимости. Все и так видно – никаких закоулков, никаких мертвых углов. Огромное окно на Чёпсмангатан. Посреди магазина большой стол. На нем стопками навалены «Левайсы» и «Добберы». На полке свитера и футболки. Я вернулась к брату.

– Значит, так. Возьмешь пару джинсов «Доббер» и свернешь их так, чтобы лейбл был не виден. Еще прихвати несколько футболок и встань в очередь в примерочную. Сумеешь?

– А дальше что?

– Ничего. Войдешь в примерочную, закроешь за собой дверь и будешь ждать, пока я не зайду в соседнюю кабинку. Я постучу тихонько, и ты перебросишь мне брюки и получишь взамен пару джинсов с распродажи. Выходишь и кладешь их в ту же стопку, где взял «Доббер». Просто и надежно до идиотизма. Они тебя ни на чем не могут поймать – ты же ничего не утащишь.

– А ты?

– Обо мне не думай. Увидимся у великов.

Он направился к столу с джинсами. Продавец у кассы проводил его подозрительным взглядом.

В отделе распродаж избавлялись от остатков летних моделей. Я нашла пару самых дешевых джинсов и взяла их в отдел, где продавали фирменные тряпки. Взяла пару «Добберов» и несколько свитерков – они висели рядом на вешалке-вертушке. Потом прошла к зимним курткам, сделала вид, что рассматриваю ценники. Никто вроде бы за нами не наблюдал. Они теперь хитрые – стараются выглядеть как обычные покупатели, держат в руках, допустим, пару носков, а сами исподтишка наблюдают. И одеты, как и все. Все это я знаю прекрасно, поэтому ни разу не попадалась. Уж на это-то у меня нюх: умею различать, кто в этом мире полицейский, а кто – вор.

Через десять минут мы стояли в соседних примерочных кабинках. Здесь пахло, как в раздевалке в спортзале. Смесь пота и дезодорантов. Я постучала по стенке, братик послушно передал мне фирменные джинсы, а взамен получил штаны с распродажи. Я быстро натянула на себя «доббер», а сверху – свои собственные штаны из «Гекоса». Я слышала, как он открыл дверь... знала, что продавцы за ним наблюдают, хотя у него в руках вроде бы те же тряпки, с которыми он и вошел. Выглянула в щель, проследила, как он положил шмотки на место, – маленький смешной мальчишка с заклеенными скотчем очками. А пока они за ним наблюдали, мне осталось только выйти из кабинки и проследовать к двери, будто ничего и не случилось. На меня даже и внимания никто не обратил.

Через минуту я была на улице. Брат, как и договорились, ждал меня на велосипедной стоянке.

– А где штаны?

¹³ «Муравьи» («Мугогна») – магазины секонд-хенд.

Я показала ему краешек.

Он даже свистнул от удивления:

– Ну, ты настоящий профи. А теперь куда?

– Продолжим, пока не закончим.

Пока мы крутили педали к торговому центру «Корона», я обдумывала следующий шаг. Дорогие шмотки или дешевые? Свои преимущества и свои недостатки... Духи «Дейт», к примеру, уходят в одно мгновение, почти все девчонки в школе ими душатся. По утрам просто дышать нечем. Сплошные «Дейт Анна» и «Дейт Натали». Они продаются в супермаркете, и свистнуть их проще пареной репы. Беда в том, что они дешевые и больше чем десять спенн за пузырек не выручишь. И сколько же пузырьков мне надо увести, чтобы собрать нужную сумму?

Другая возможность – фирменные шмотки. Снобы в школе помешались на марках «Прингл» и «Лакост». Их продают у «Братьев Юханссон», но там продавцы глаз не спускают с барахла дороже сотни. Может, стоит рискнуть? Братишка войдет первым, отвлечет внимание, задаст какой-нибудь идиотский вопрос, вроде того, какова, мол, осенняя мода, или попросит воспользоваться туалетом для посетителей. Если повезет, никто меня и не заметит, проскользну за каким-нибудь здоровенным дядькой к прилавку со свитерами «Лакост» и уведу, они даже глазом не успеют моргнуть.

Честно говоря, я не люблю воровать. Только по необходимости. В такие моменты я вижу в себе отца, и это мне не нравится, мне не хочется быть на него похожей ни в мыслях, ни в поступках.

Конечно, есть и другие способы сшибить немного денег. Я их вообще-то предпочитала. Сдавать бутылки, к примеру, или выуживать некоторые журнальчики в контейнерах для бумажного мусора. В гавани есть ларек, где платят по кроне за каждый номер «Развлекись» или еще похуже. В контейнерах полно такого! Знали бы мои одноклассники, чем развлекаются их папаши, когда никто не видит. Но даже если бы я переворошила все контейнеры, порнухи на семьсот спенн не собрать и за неделю. Со шмотками дело идет быстрее.

– А теперь куда?

Была не была.

– «Куллене».

Обувной магазин «Куллене» на Шубергсвеген, по другую сторону железной дороги. Ну как же! Фирменная обувь: дорогие кроссовки, дамские и мужские туфли. Ходовой товар, к тому же в самом здании есть особенность, которую можно использовать. Поразмышляла, что лучше – лодочки или кроссовки. Пара «Стен Смит» в школе уйдет за две минуты. Парни с ума по ним сходят, иногда стоит человек пятнадцать, и все в одинаковых кроссовках. Конечно, джинсы «Доббер» потянут на пятьдесят крон, башмаки – минимум столько же. Беда только в том, что мы ни за что не успеем собрать нужную сумму до закрытия магазинов. Нужно что-то подороже. Сам Герард не особенно интересуется модой, даже трудно представить его в свитере «Лакост» или в шерстяном джемпере «Лайл-энд-Скотт». Всякие прикрасы, вроде цифровых часов, могли бы его заинтересовать, но это рискованно; попасться с таким – хлопот не оберешься.

В «Куллесе» поток покупателей явно схлынул. Я прошлась вдоль полок, вроде бы мне ничего особенного не нужно. Взяла пару кроссовок, поглядела на ценник, поставила обратно. Наконец подошла продавщица, молодая девушка с прогалом между передними зубами, как у кролика:

– Интересуешься чем-то особенным?

– Мне вообще-то нужны резиновые сапоги. Желательно с подкладкой.

– Сапоги там. Подальше, за детской обувью.

Я благодарно кивнула.

– А туалет для посетителей у вас есть?

– Там же, зайдешь в коридор и увидишь. А если нужна помощь с сапогами, крикни.

Она направилась к кассе. А я сделала вид, что поправляю волосы и посмотрела на потолок. Зеркал не видно. Она отвернулась, а я прихватила пару «Стен Смит» и пошла – я прекрасно знала, где у них туалет, и знала, что там лестница на второй этаж. Вставила свой ключ в вертушку на двери сортира и повернула на красный: если она пойдет проверить, решит, что я там сижу.

На втором этаже никого не было, если не считать моих отражений в зеркалах на стенах. Отсюда открывалась дверь на балкон и пожарную лестницу. Я открыла ее, поставила кроссовки на карниз и помахала брату – он стоял внизу и ждал. Все в порядке, зеленый свет.

Я спустилась вниз, перевела вертушку на «свободно» и пошла к полке с резиновыми сапогами. Примерила пару-тройку и поставила назад на полку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.